

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.2.258.267>

ТРИ КРАТКИХ СЮЖЕТА ОБ ОРНАМЕНТАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ АНАНЫНСКОЙ ПОСУДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2017 ГОДА НА УСТЬ-НЕЧКИНСКОМ I ГОРОДИЩЕ В СРЕДНЕМ ПРИКАМЬЕ)

©2023 г. А.Е. Митряков

Статья посвящена некоторым особенностям керамического комплекса Усть-Нечкинского I городища в Среднем Прикамье. Дано краткое описание комплекса, выделены характерные особенности ананьинской керамики, которые обычно не берутся в расчёт при формально-статистическом анализе комплексов. Показывается, что три таких особенности – наличие ямок, «воротничок» на части сосудов и небрежный декор на поздней стадии развития, могут рассматриваться как элементы, в большей степени обусловленные технологией изготовления и жизненным циклом посуды, нежели как элементы декора. В связи с этим ставится вопрос о методе учёта признаков и придании им веса при формально-статистическом анализе комплексов и сравнении их между собой. Предполагается, что в результате реконструкции технологического процесса и анализа хозяйственно-культурного контекста ананьинского гончарства, исследователи должны акцентировать внимание на тех характеристиках посуды, которые обусловлены культурными, а не технологическими или хозяйственными различиями древних коллективов.

Ключевые слова: археологическая керамика, ананьинская культура, Среднее Прикамье, формально-статистические методы, технология изготовления керамической посуды, орнаментация посуды.

THREE SKETCHES ABOUT THE DECORATION AND PRODUCTION OF THE ANANYINO WARE (ACCORDING TO THE MATERIALS OF 2017 EXCAVATIONS ON THE UST-NECHKINSKOYE I SETTLEMENT IN THE MIDDLE KAMA REGION)

A.E. Mitryakov

The paper deals with some features of ware assemblage of the Ust-Nechkinskoye I hillfort in the Middle Kama region. A brief description of the complex is given, some characteristic features of the Ananyino ceramics are marked out, that are usually not taken into account in the formal statistical analysis of the assemblages. It is claimed that three features – the presence of pits, the "collar" on the part of the vessels and the slipshod decoration at a late stage of development may be considered as the elements that are more determined by the production technology and the life cycle of ware than as decorative patterns. In this regard, the question is raised about the method of features registration and giving them weighty reasoning in the formal and statistical analysis of complexes and comparing them with each other. It is assumed that as a result of reconstruction of the technological process and understanding of the economic and cultural context of the Ananyino pottery, researches should focus on those characteristics of ware that are due to cultural, but not to technological or economic differences between the ancient groups.

Keywords: archaeological ceramics, Ananyino culture, Middle Kama region, formal and statistical methods, ceramic ware production technology, ware decoration

Введение. Современные представления о первой половине эпохи раннего железа в Прикамье в значительной мере опираются на исследования керамического материала. Деление ананьинского мира в Волго-Камской части его ареала, представленное в томе «Археологии Волго-Уралья», посвященном эпохе раннего железа, концептуально опирается на выделенные В.Н. Марковым ареалы

распространения различных типов керамики (гребенчато-шнуровой, «классической» шнуровой, «текстильной») (Чижевский, Черных, 2021, с. 138–139). Хронологическая схема ананьинского времени в Среднем Прикамье, разработанная В.Ф. Генингом и В.Е. Стояновым (Генинг, Стоянов, 1961), была уточнена и фундирована Л.И. Ашихминой, в первую очередь с опорой на формально-типо-

логический анализ посуды городищ Каменный Лог, Зуевключевского I и других (Ашихмина, 2014).

В то же время в течение последних десятилетий становится всё более очевидно, что существующие подходы к анализу массового керамического материала исчерпывают свой эвристический потенциал. Отчасти это связано с общим свойством формально-типологических подходов к материалу, основанных на выделении некоторых признаков и редукции всех остальных, отчасти – с концептуальными проблемами конкретной методики обработки керамики В.Ф. Генинга (Генинг, 1973), наиболее существенными из которых на сегодняшний день видятся две.

Первая из них лежит в поле формально-статистического анализа. Формальным результатом обработки материала по методике В.Ф. Генинга является коэффициент сходства комплексов, который далее интерпретируется как показатель связи (генетической близости) между ними (Генинг, 1973, с. 133–134). Само по себе это – допущение, которое нуждается в дополнительном анализе, так как непонятно, какого рода связь отражает коэффициент сходства. Сам Генинг пользуется понятием «коэффициент сходства», однако далее на его основании делаются культурогенетические выводы (см., например: Ашихмина, 1985, с. 64, 77–78), которые должны описываться не как корреляция, а как каузация (то, что объекты А и Б имеют высокую степень сходства и Б хронологически наследует А, ещё не обозначает, что А является причиной Б, возможно, есть объект(ы) В, которые определяют свойства и А и Б). Но даже если пренебречь этим моментом (представляется, что основная интуиция Владимира Фёдоровича о взаимозаменяемости корреляции и каузации на этом уровне обобщения была верна), более существенной проблемой видится то, что его методика не вводит понятия веса признаков. Если обратиться к описанию методики В.Ф. Генинга, можно видеть, что на финальной стадии определения коэффициента сходства все признаки имеют равный вес (Генинг, 1973, с. 130–134). Однако фактически, с точки зрения технологии производства, это не так: например, такой признак, как примесь толченой раковины в тесте, может быть обнаружен в прикамской посуде от неолита до Средневековья, что, безусловно, не будет обозначать

генетической связи этих традиций, но с математической точки зрения повысит коэффициент их сходства.

Вторая связана именно с формальным методом вычленения и описания признаков и игнорированием их прикладной, технической сущности. Так, указатели формы описываются соотношением различных частей сосуда и имплицитно предполагается, что гончар воспроизводит одну и ту же эталонную форму с большими или меньшими отклонениями и в разных размерах (что само по себе дискуссионно). Однако, если рассмотреть такой параметр сосуда, как высотно-горловинный указатель ФБ, который рассчитывается как отношение высоты шейки сосуда к её диаметру (Генинг, 1973, с. 121), для ананьинской посуды мы обнаружим, что в рамках одного комплекса его значение падает с увеличением диаметра сосудов. Это можно объяснить тем, что ширина ленты, из которой делается подлепляемое к тулову отогнутое горло сосуда, ограничена длиной рабочей части пальцев мастера. Она не может увеличиваться пропорционально диаметру сосуда до бесконечности. Без учета этого обстоятельства мы получим искаженное представление о близости или различии в морфологии сосудов разного диаметра.

Необходимо заметить, что и без учета подобных тонкостей формально-статистические методы позволили получить позитивные результаты, отражающие ход эволюции ананьинской керамики Прикамья на макроуровне. Однако представляется, что на сегодняшний момент такой уровень обобщения при статистическом анализе уже не может дать качественно новых результатов, и если нас по-прежнему интересует работа с керамикой как с массовым материалом, то «доводка» статистического метода должна осуществляться с учетом разного веса различных признаков, который должен определяться тем, какие реальные (технологические, культурные, археологизационные) процессы влияют на их значения и размах вариаций.

Краткое описание источника. Настоящий текст представляет ряд наблюдений, сделанных в ходе обработки керамического комплекса Усть-Нечкинского I городища в Среднем Прикамье, полученного при работах 2017 года. Усть-Нечкинское I городище располагается в Сарапульском районе Удмуртской

Республики, на правом берегу р. Камы, в 14 км к северу от г. Сарапула. В литературе известно с 1859 года (Алабин, 1859), впоследствии осматривалось А.А. Спицыным, археологически изучалось в 1913 году А.А. Беркутовым, неоднократно обследовалось в советские годы, с 2007 по 2014 годы раскапывалось Е.М. Черных, а затем С.А. Перевозчиковой. Более подробные сведения об истории изучения городища и результатах этих работ можно найти в статье (Черных, Перевозчикова, 2015). Датировка городища, основанная на вещевом материале (в т. ч. трёхлопастном наконечнике стрелы типа С-50 по С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983)) дана авторами с V или рубежа V/IV вв. до н. э., верхняя дата, как это часто бывает с ананьинскими памятниками Прикамья, осталась открытой.

После небольшого перерыва в 2017 году на краю площадки городища был заложен

оттисками (49,1%) или без них (44,1%). Без орнаментации – только сосуды малого (6–11 см) диаметра. Поверхность сосудов достаточно хорошо обработана, в большей части случаев подложена как минимум с одной из сторон (82%).

Стратиграфическая ситуация раскопа непростая (рис. 1): он представляет собой присклоновую часть площадки, на которую, очевидно, приходится окончание вала, исследованного ранее. Привязка в описи дана по пластам от поверхности, однако благодаря сравнительно монотонной линии падения слоя по склону можно допустить, что в целом глубина залегания материала отражает хронологический порядок формирования комплекса.

В целом по таблице прослеживаются довольно характерные для описаний позднеананьинской керамики тенденции (ср., напри-

Таблица 1. Основные показатели ананьинских сосудов из выборки по стратиграфическим горизонтам
Table 1. The core characteristics of the Ananyino vessels from the sampling by stratigraphic horizons

пласт	всего сосудов	шнур	воротнички	Средний диаметр	Отверстия
30-40	16	43,7 %	25 %	31,9	25 %
40-50	22	54,5 %	0 %	25,9	45,5 %
50-70	48	60,4 %	35,4 %	26,7	14,6 %
70-90	25	60 %	32,1 %	21,0	8 %

небольшой раскоп (рис. 1), из которого был получен богатый керамический материал, в том числе пригодный для реконструкции полных форм сосудов.

Всего по описи коллекция насчитывает 1054 фрагмента глиняной посуды, из которых 111 – верхние части сосудов, сохранившиеся хотя бы до середины плечика, при обработке которых получены предлагаемые результаты. В целом коллекция остаточна типична для поздней стадии ананьинского времени в Прикамье. В комплексе преобладают горшковидные сосуды с невысокими венчиками, слабо- и среднераздутым туловом, орнаментированные ямками в сочетании со шнуровыми

мер, Ашихмина, 2014, с. 68–69; Голдина, Колобова, Казанцева, 2013, с. 31–41; Митряков, 2014; Митряков, Черных, 2017, с. 24–25; Чижевский, 2017, и т. д.): постепенное падение доли шнуровой орнаментации при сохранении обоих (ямочного и ямочно-шнурового) типов орнаментации, увеличение среднего диаметра сосудов при сохранении высоты шейки (как было указано выше, этот признак имеет скорее технологическую, нежели морфологическую увязку), почти полное исчезновение «воротничков» на поздних стадиях функционирования комплекса (25% верхнего слоя после нулевого показателя в пласте 40–50 не должны вводить в заблуждение: фактически

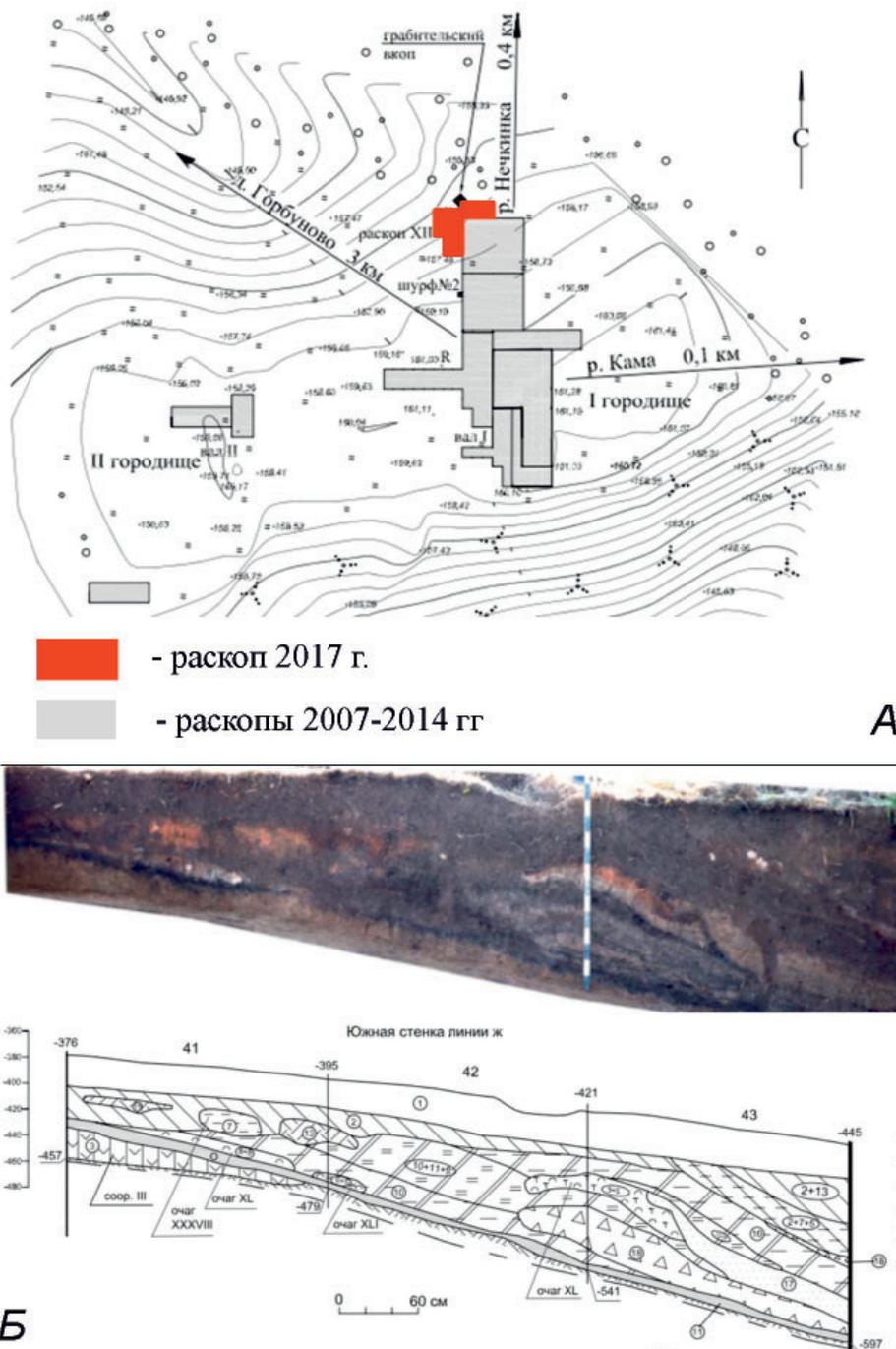

Рис. 1. Усть-Нечкинское I городище. А – раскоп 2017 года; Б – профиль южной стенки раскопа 2017 года
Fig. 1. Ust-Nezhkinskoye I hillfort. А – 2017 excavation; Б – southern wall profile of 2017 excavation

от общего количества в 16 фрагментов это – четыре, причем для двух из них воротничок «обозначен» (см. ниже). Этой диспропорцией, которая, вероятнее всего, связана с погрешностью учета сосудов сейчас можно пренебречь).

При работе с керамикой городища было сделано три наблюдения, которые, на наш взгляд, заслуживают озвучивания в простран-

стве научного исследования, поскольку позволяют в известной мере сместить акценты в описании и анализе керамического материала ананьинского времени.

Отверстия. Типичным для ананьинской и пьяноборской посуды является наличие отверстий в стенке посуды, в большинстве случаев пробивающих дно ямки. Таких сосудов в коллекции зафиксировано 24 (22%), фактиче-

ски же количество фрагментов со отверстиями существенно больше, потому что достаточно часто отверстия находятся по двум сторонам стыка фрагментов, во всех случаях это старые (возникшие до начала процесса раскопок сколы) (рис. 2). Стоит отметить, что так как до нас доходят в подавляющем большинстве неполные формы сосудов (обычно до 20% диаметра), то реальное количество сосудов с отверстиями, весьма вероятно, было больше. Автору уже приходилось описывать керамический комплекс с аналогичным свойством – Барановское III поселение в Каракулинском Прикамье (Митряков, 2011) – и высказывать предположение о том, что ямка на ананьинской посуде этого периода имеет функционал как минимум не только орнаментальный, а возможно, и в целом технологический: ямки наносятся по всей окружности сосуда через сравнительно равные промежутки, чтобы в случае повреждения сосуда стянуть его тем или иным способом (археологически известны случаи скрепления сверлин металлическими скобами (Гутков, 2000, с. 170–171 и далее), однако представляется более вероятным, что в настоящем случае это делалось просто верёвкой).

Это предположение кажется значимым не столько с точки зрения реконструкции «жизненного цикла» посуды в ананьинском хозяйстве (хотя обилие отремонтированных горшков наводит на мысль, что глиняная посуда для самих жителей ананьинского времени отнюдь не была «массовым материалом»), сколько с точки зрения метода. Ямка традиционно описывается как элемент орнамента, однако приведенные данные показывают, что в этом конкретном случае эстетическая функция ямки оказывается явно вторичной по отношению к утилитарной. Должны ли мы при «доводке» формально-статистических методов учитывать ямки как технологический элемент – наряду с отверстиями сырниц, носиками, рукоятками и т. п. (к слову, последние два элемента, при очевидной утилитарности, имеют огромную эстетическую традицию в гончарном производстве)? Если да – то в каких хронологических и географических пределах? Очевидно, то, что верно для ананьинской посуды Среднего Прикамья, будет совершенно нерелевантно для других культур и эпох.

2. Воротнички. Ещё одним сюжетом, который вызывает вопросы относительно

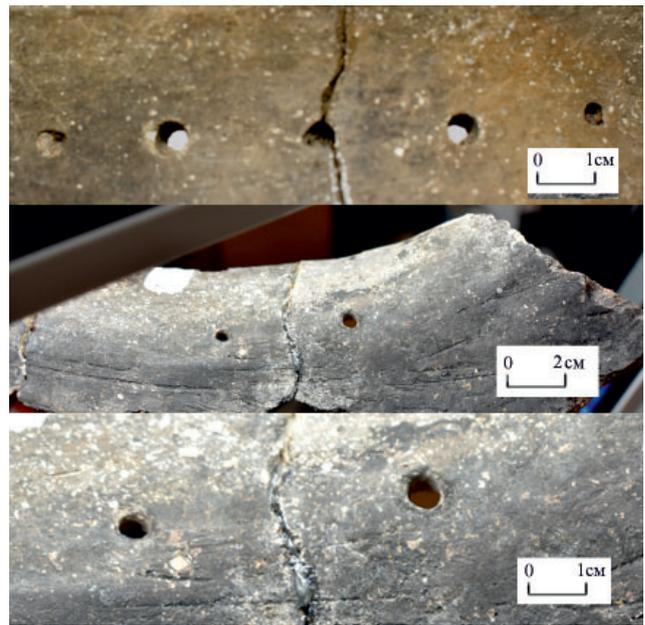

Рис. 2. Усть-Нечкинское I городище.
Сосуды с отверстиями на месте ямок
Fig.2. Ust-Nechkinskoye I hillfort.
Vessels with holes in the place of pits

традиционной категоризации в описании ананьинской посуды, является «воротничок» в верхней части сосудов. На части ананьинской керамики он явно выражен и целенаправленно подчеркнут; на других сосудах он читается слабо, наконец, на некоторых сосудах он «обозначен» так, что практически не может быть описан как «элемент рельефа». Хотя Л.И. Ашихминой в обработке ананьинской посуды «воротнички» и «валики» учитываются как «детали шейки сосуда» наряду с формой венчика и шейки (Ашихмина, 2014, с. 44 и далее, а также табл. V-11–13), практически везде речь идёт об «оформлении», то есть целенаправленной процедуре придания определённой формы этому элементу сосуда.

Рискну высказать предположение, что появление «воротничка» в верхней части горловины ананьинского сосуда также имеет далекое от эстетики происхождение. На сколах верхних частей Усть-Нечкинских сосудов довольно четко читается, что верхняя часть сосудов формировалась путем подлепа дополнительной ленты к тулову изнутри (это видно по сколам (рис. 3), течению теста в профиле и характерному выступу на внутренней поверхности). Технологически такая операция удобнее всего осуществляется, когда лента лежит на четырех пальцах кисти, подносится к месту присоединения изнутри, а снаружи

Рис. 3. Усть-Нечкинское I городище. Фрагмент сосуда со сколом по стыку лент.

Fig. 3. Ust-Nechkinskoye I hillfort. Fragment of a vessel with a chip at the joint of the bands.

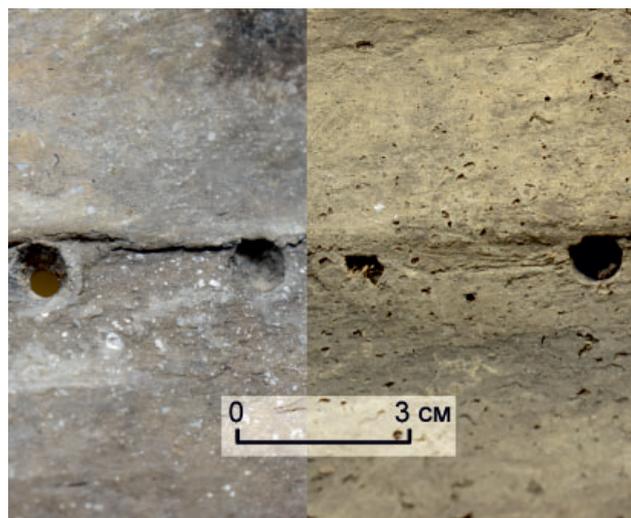

Рис. 4. Усть-Нечкинское I городище. Имитация «воротничка» на внешней стороне сосудов

Fig. 4. Ust-Nechkinskoye I hillfort. Imitation of a "collar" on the outer side of the vessels

первая фаланга большого пальца сдавливает место стыка лент для образования прочного соединения. Так как ширина ленты больше длины фаланги, давление приходится только на нижний край ленты, в результате в том месте, где оно оканчивается, возникает специфическое утолщение, которое потом может быть выровнено, подрезано или дооформлено иным способом. Таким образом, «воротничок» опять же оказывается зависим не столько от эстетической, сколько от процедурной стороны традиции производства посуды. Об эстетической его составляющей мы можем говорить скорее на поздних этапах ананьинского гончарства, когда наличие «воротничка» становится исключением, а не правилом, но для некоторых сосудов он «обозначается» едва заметным выступом (рис. 4). В этот момент из категории особенностей технологии он должен переноситься в категорию орнаментальных признаков.

3. Ямки неправильной формы. Третий и последний сюжет, возникший в ходе работы с керамическим комплексом Усть-Нечкинского городища, касается специфики ямочно-шнуровой и ямочной орнаментации позднеананьинской посуды. Как правило, посуда ранних стадий ананьинской культуры в Среднем Прикамье оформлена, вне зависимости от сложности композиции, как правило, достаточно аккуратно. Шнуровые линии параллельны и четко отпечатаны, так что можно различить направление закручивания

шнура (также примечательный сюжет, практически не упоминаемый в литературе: от 8 до 20% шнуровых оттисков на ананьинской посуде имеют «обратную» закрутку шнура – с «левым наклоном» вместо более традиционного «правого»). Соблазн связать это с долей левшей в популяции опровергается тем фактом, что иногда даже на одной полосе строенного шнура присутствуют противоположные закрутки), ямка имеет правильную округлую форму по всей глубине, и т. д. Позднеананьинская посуда начинает постепенно терять этот «классический облик»: шнуровые оттиски постепенно становятся более бедными и смазанными, в некоторых случаях читается нечто похожее на оттиск шнура, но ни одного отдельного витка зафиксировать не удастся. Ямка становится меньше в диаметре, а её края из правильной окружности превращаются в замкнутую кривую неопределенной траектории.

То, что с течением времени сложные ямочно-шнуровые композиции теряют своё значение для ананьинских гончаров Среднего Прикамья, довольно очевидно. Менее очевидно, почему они продолжают воспроизводиться в столь неэстетичном виде, вместо того чтобы просто исчезнуть за ненадобностью. Можно предположить, что здесь мы имеем дело с воспроизводством операций, той самой спецификой передачи традиции, о которой много пишут представители историко-культурного подхода. Нанесение шнуровых отти-

сков и ямок – операции, составляющие неотъемлемую часть цикла производства посуды на протяжении как минимум трёх столетий; последние, как было показано выше, имеют и практический смысл (вопрос о шнуровых оттисках в этом плане остается открытым). Однако операции орнаментирования вступают в своеобразный конфликт с другой значимой операцией технологического цикла – обработкой внешней поверхности, которое необходимо для придания сосуду влагонепроницаемости. Проблема заключается в том, что для получения эстетичного отпечатка орнаментация должна производиться по достаточно свежей, влажной поверхности сосуда, а операция лощения – уже по подсушенной, то есть позже по времени. При этом лощение – затирание орнаментированной поверхности – приводит к тому, что орнамент, нанесенный на эту поверхность, может пострадать. Рассматривая сосуды верхних горизонтов раскопа 2017 года на Усть-Нечкинском городище, мы видим, что «неаккуратная», неправильная форма элементов орнаментации (в первую очередь ямок, хотя и для шнуровых оттисков это верно) возникает именно таким образом. В частности, видно, что контур ямки по поверхности не соответствует её профилю на глубине, который сохраняет правильную округлую форму, деформация окружности произошла именно из-за затирания поверхности и смещения тонкого слоя глины с края ямки (рис. 5: ср. форму нижней ямки и стенки на сколе; на дне ямки виднеется характерный выступ, оставляемый полым инструментом типа соломины или птичьей кости).

Иными словами, операции орнаментации воспроизводятся в соответствии с традицией, однако по каким-то причинам эстетическая/символическая составляющая их результата больше не имеет существенного значения для гончара и может быть принесена в жертву более утилитарной операции лощения поверхности.

Проблематизация. Автор отдает себе отчет в том, что на сегодняшний момент высказанные выше идеи о некоторых элементах ананьинского гончарства нуждаются в дополнительном фундировании, в первую очередь методами технико-технологического анализа и экспериментальной реконструкции соответствующих технологических операций. Однако даже с учётом этого обстоятель-

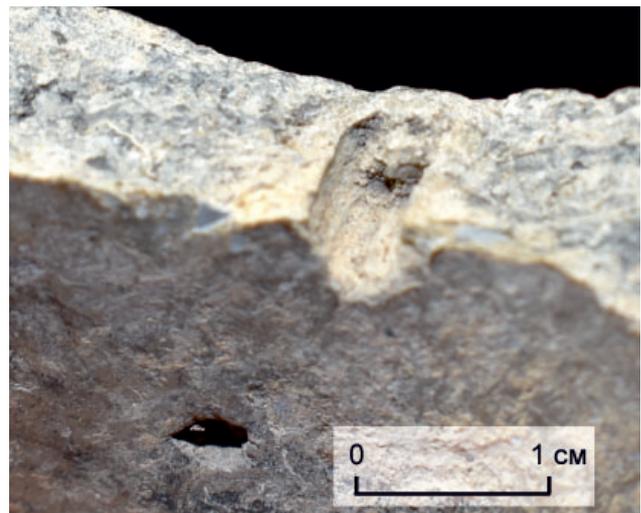

Рис. 5. Усть-Нечкинское I городище.

Пример сосуда с деформированным контуром ямки и её изначальным профилем на сколе

Fig. 5. Ust-Nechkinskoye I hillfort.

An example of a vessel with a deformed contour of the pit and its initial profile on a chip

ства представляется правильным уже сейчас сделать следующий шаг, проблематизируя сложившийся подход к описанию ананьинской керамики как массового материала.

Все три представленные выше сюжета могут быть обобщены следующим образом: то, что сегодня категоризуется исследователем ананьинской посуды как характеристики орнаментации, на самом деле может: а) более или менее слабо касаться эстетической/символической стороны ананьинского гончарства в принципе и б) иметь разнородное происхождение и содержание, связанное с различными областями жизненного цикла сосуда – конкретными приемами формовки сосуда (воротнички), последовательностью операций при изготовлении (ямки), ремонте (отверстия). Сведение этих признаков в единую категорию, уравнивание их веса и производство выводов о сходстве керамических комплексов по этим признакам – безусловно, вполне допустимое статистико-математическое упражнение.

Однако, если рассматривать конечной целью применения статистических методов получение знания об исторических процессах, которые отражаются в эволюции керамических комплексов, то начинать надо с того, что описываемые признаки определяются значительным количеством **разных** внешних условий **в разной** мере. Это не только

условия, связанные с особенностями ресурсной и навыковой базы в конкретное время на конкретной территории, но и условия, связанные с функционированием готовой посуды в заданных культурных обстоятельствах. Безусловно, керамический сосуд в крайне незначительной мере является результатом сознательного инжиниринга конкретного гончара и в подавляющей степени обязан своим обликом и свойствами существующей традиции. Однако в процессе изготовления посуды всё же существует известная вариативность, и изменения, которые таким образом возникают, оказываются либо отброшены, либо приняты в канон, что в первую очередь должно зависеть от того, насколько они отвечают функциональности или совершенствованию процесса изготовления посуды. Если для описания процесса изменений в гончарном производстве использовать метафору биологической эволюции, такие изменения подобны мутациям, которые подвергаются дальнейшему процессу испытания факторами среды – своего рода естественному отбору.

Исходя из этого, при выделении признаков сосуда для формально-статистического анализа важно понимать, в какой мере они детерминированы ресурсной базой, в какой – функционированием сосуда в культуре (хозяйственным и символическим), в какой – просто являются традиционно повторяемыми элементами технологической цепочки. В этом плане, если высказанная выше интуиция относительно снижения эстетической/символической значимости шнура и ямок для позднеананьинского гончара верна, возникает вопрос, насколько в принципе имеет смысл сравнивать раннеананьинские и позднеананьинские комплексы по орнаментации статистически: мы фиксируем здесь именно качественные различия, а не количественные. Речь идет не об «изменении моды», которым часто объясняют смену орнаментальных традиций на посуде, а банальной утрате фокуса на этой производственной операции. Это, естественно, не должно влиять на оценку близости и (при наличии) генетической связи этих комплексов.

По истории гончарной технологии сегодня накоплена обширная библиография, принадлежащая в первую очередь представителям историко-культурного подхода в исследовании керамики (наиболее актуально текущую

картину в этой области отражают работы группы «История керамики» ИА РАН, см., например, вестник «История керамики» (Вестник..., 2022)). Отдельные аспекты, связанные с проблематикой функционирования археологической керамики в культуре, уже разрабатывались в отечественной литературе (Глушков, 1996, гл. 7; Зданович, Куприянова, 2002; Калинина, 2009; и т. д.), однако насколько известно автору, эта тема не обобщалась на русском языке и ни один из подходов полноценно не применялся на ананьинских материалах Прикамья.

Заключение. Изложенные выше соображения не ставят своей целью поставить под вопрос существующие представления об ананьинских древностях в Волго-Камье в той их части, что опирается на типологические и хронологические исследования керамики. Представляется, что при всех указанных (и неуказанных) несовершенствах обобщенный статистический анализ ананьинской посуды, в том числе сделанный по методике В.Ф. Генинга, позволил вполне адекватно описать макроэволюцию ананьинской керамики в регионе. Однако складывается впечатление, что дальнейший экстенсивный рост обработки источника в том же ключе не способен существенно продвинуть нас в понимании исторических процессов, которые отражаются в изменении облика глиняной посуды ананьинцев Прикамья, и это связано с теми концептуальными особенностями методики, которые составляют одновременно её силу и её слабость и сводятся к редукции сложности керамики как элемента традиционной культуры и концентрации на легко измеримых численных показателях.

Первыми шагами к более тонкой отстройке статистических методов видятся:

- а) серийное технико-технологическое изучение ананьинских материалов Прикамья;
- б) усиленная реконструкция условий функционирования керамики в культуре ананьинцев.

Эти шаги позволят более точно определить различие характеристик посуды, обусловленных технологически, функционально и символически, и, как следствие, понимать, какие из признаков на разных стадиях эволюции ананьинской посуды будут иметь большее или меньшее значение для выделения типов керамики. Выделенные таким образом типы,

на наш взгляд, смогут стать более эффективным инструментом для различения оставших их коллективов и/или популяций древнего населения и понимания его истории.

ЛИТЕРАТУРА

Алабин П.В. Ананьинский могильник (близь города Елабуги) // Вятские Губернские Ведомости. 1859. №30. Часть неофициальная. С. 207–208.

Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. 676 с.

Ашихмина Л.И. Керамика ананьинских поселений Среднего Прикамья // Археологические памятники Северного Приуралья // МАЕСВ. Вып 9. / Отв. ред. В.И. Каневец. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми фил. АН СССР, 1985. С. 55–80.

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ; Отечество, 2014. 300 с.

Вестник «История керамики». Вып. 4. / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2022. 214 с.

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Итоги археологического изучения Удмуртии // ВАУ. Вып.1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1961. С. 76–90.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. 327 с.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Митряков А.Е., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в среднем Прикамье / Науч. ред. Л.И. Липина. МИКВАЭ. Т. 26. Ижевск, 2013. 184 с.

Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий: труды музея-заповедника Аркаим: сб. научных трудов / Науч. ред. С.Я. Зданович. Челябинск: Институт истории и археологии УО РАН, 2000. С. 170–186.

Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. "Use life" глиняной посуды и динамика стилевых изменений (к исследованию синташтинской проблемы) // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Международной научно конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова, Санкт-Петербург, 20–24 марта 2002 года / Отв. ред. М.Б. Пиотровский. Т. I. СПб.: ГЭ, 2002. С. 141–145.

Калинина И.В. Очерки по исторической семантике. СПб: СПбГУ, 2009. 272 с.

Митряков А.Е. К вопросу о функции ямок на пьяноборской посуде (по материалам Барановского III поселения) // Новые материалы и методы археологического исследования. Тезисы докладов / Отв. ред. В.Е. Родинкова, А.Н., Федорина. М.: ИА РАН, 2011. С. 29–31

Митряков А.Е. Керамические комплексы финала ананьинской - начала пьяноборской эпохи Удмуртского Прикамья (По материалам Барановского III поселения) // Международная полевая школа в Болгаре. Вып. 1 / Отв. ред. А.Г. Ситдигов. Казань, Болгар: Институт археологии им. А.Х. Халикова, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2014. С. 69–74.

Черных Е.М., Митряков А.Е. Абсолютная и относительная хронология Зуевключевского I городища: проблемы сопоставления // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 17–32.

Черных Е.М., Перевозчикова С.А. Усть-Нечкинские городища в среднем Прикамье на этапе ананьинской культуры (топография, планировка, инвентарь) // Поволжская археология. 2015. № 2 (12). С. 114–135.

Чижевский А.А. Памятники позднего периода ананьинской культурно-исторической области // Археология Евразийских степей. 2017. №4. С. 196–256.

Информация об авторе:

Митряков Александр Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); al.mitriakov@yandex.ru

REFERENCES

Alabin, P. V. 1859. In *Vyatskie gubernskie vedomosti (Vyatka Provincial Bulletin)* 30, 207–208 (in Russian).

Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (ed.). 2021. *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

Ashikhmina, L. I. 1985. In Kanivets, V. I. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priural'ya (Archaeological sites of the Northern Urals)*. Series: Materialy po arkheologii Evropeyskogo Severo-Vostoka (Materials on the Archaeology of North-east) 9. Syktyvkar, 55–80 (in Russian)

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch) (Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings))*. Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Tsetlin, Yu. B. 2022. (ed.). *Vestnik «Istoriya keramiki» "History of Ceramics" Bulletin* 4. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Gening, V. F. 1973. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 114–136 (in Russian).

Gening, V. F., Stoianov, V. E. 1961. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Ural Archaeology)* 1. Sverdlovsk, 76–90 (in Russian).

Glushkov, I. G. 1996. *Keramika kak arkheologicheskiy istochnik (Ceramics as an archaeological source)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography (in Russian)

Goldina, R. D., Kolobova, T. A., Kazantseva, O. A., Mitriakov, A. E., Shatalov, V. A. 2013. *Tarasovskoe sviatilishche rannego zhelezного века v srednem Prikam'e (Early Iron Age Sanctuary Tarasovo in the Middle Kama River Basin)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 26. Izhevsk (in Russian).

Gutkov, A. I. 2000. In Zdanovich, S. Ya. (ed.). *Arkheologicheskiy istochnik i modelirovanie drevnikh tekhnologii: trudy muzeya-zapovednika Arkaim: sb. nauchnykh trudov (Archaeological Sources and Modeling of Ancient Technologies: Proceedings of Museum-Reserve Arkaim)*. Chelyabinsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for History and Archaeology, 170–186 (in Russian).

Zdanovich, D. G., Kupriyanova E.V. 2002. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* I. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 141–145 (in Russian).

Kalinina, I. V. 2009. *Ocherki po istoricheskoy semantike (Essays on historical semantics)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian)

Mitryakov A.E. 2011. In Rodinkova, V. E., Fedorina, A. N. (eds.). *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniia New Materials and Methods of Archaeological Studies*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 29–31 (in Russian).

Mitryakov, A. E. 2014. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Mezhdunarodnaia polevaia shkola v Bolgare. (International Field School in Bolgar)* 1. Kazan; Bolgar: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov; Kazan (Volga Region) Federal University, 69–74 (in Russian).

Chernyh, E. M., Mitryakov, A. E. 2017. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 17–32 (in Russian).

Chernyh, E. M., Perevozchikova, S. A. 2015. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 12 (2), 114–135 (in Russian).

Chizhevsky, A.A. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 196–256. (in Russian).

About the Author:

Mitryakov Aleksander E. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Udmurt State University, Institute of History and Sociology. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Russian Federation; al.mitriakov@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2023 г.
Статья принята к публикации 01.04.2023 г.